

ОТОБРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ «ЗАПАД – РОССИЯ» ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАФРЕЙМА «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК»

Рассматривается фрейм «учитель – ученик», используемый для описания проводимой Россией внутренней и внешней политики в ряде западных периодических изданий. В условиях современных международных, политических и экономических шоков, а также охлаждения отношений между Западом и Россией мы можем наблюдать усиление информационного противостояния почти на всех важнейших информационных и дипломатических площадках. Обе стороны стремятся легитимизировать проводимую политику, прибегая к тем или иным информационным и порой пропагандистским стратегиям. Данное исследование рассматривает природу фрейма, его использование в процессе конструирования медиатекста, а также выгоды и причины использования фрейма «учитель – ученик».

Ключевые слова: фрейм; медиафрейминг; масс-медиа; Россия – Запад; международные отношения.

Интенсивность информационного противостояния между западными странами (США и страны ЕС) и Россией столь высока и масштабна, что невольно напоминает информационную войну периода холодной войны. Россия на сегодняшний день находится в сложном политическом и экономическом положении и вынуждена отвечать на серьезные внутри- и внешнеполитические и экономические шоки. Вместе с тем, по причине всевозрастающей медиатизации политических отношений и роли СМИ, России приходится отстаивать свое право на независимую политику в, по большей части, недоброжелательно настроенном западном медиапространстве [1].

В данном исследовании мы стремимся рассмотреть важнейший элемент современного медиаповествования – медиафреймы, а также исследовать метафоричность современных медиатекстов. В качестве примера мы будем использовать медиафрейм «учитель – ученик», который, имея глубокие исторические корни, после развала СССР вновь стал проявляться в риторике ряда западных государств. В последнее время он все чаще используется в медиаповествовании и англоязычных медиатекстах, посвященных международным отношениям между Западом и Россией. Данное исследование будет проводиться в широком контексте взаимного восприятия Запада и России в СМИ.

Основанием для данного исследования послужат в первую очередь материалы иностранных печатных СМИ и профильных печатных периодических изданий, среди которых такие, как «The Economist», «The Foreign Affairs», «The Current History» и «The Financial Times». Данные издания были выбраны нами по ряду причин, а именно: они имеют впечатляющие тиражи и обширную целевую аудиторию, анализ данных изданий позволит выявить образы, создаваемые в ряде социальных групп (бизнес, политическая элита, академические круги). Важным является и то, что данные медиа не просто формируют своих читателей, но предоставляют переработанные аналитические материалы.

В первую очередь нам стоит рассмотреть определения фрейма и метафоры и их место в современных медиа. В современном обществе СМИ имеют серьезное социальное влияние, что во многом объясняется высокой степенью виртуализации социальных отношений. В таких условиях значимость того или иного

события или действия для общества во многом определяется СМИ, которые маркируют и транслируют его в общество [2. Р. 3–14]. Из-за серьезных технических достижений современный человек напрямую вовлечен во взаимодействие со СМИ через большое количество каналов подачи информации. Эта вовлеченность стирает грань между происшествием или объектом и информационным медиатекстом, который его описывает. Этим объектом может быть и образ другой страны, который формируется в сознании общества посредством информационных сообщений. Г. Бейтсон указывает, что люди начинают реагировать на заголовки газет и радиопередачи так же, как если бы они напрямую столкнулись с объектом и ситуацией, а не с переработанным измышлением третьих лиц [3. С. 231]. Н. Луман идет дальше и отмечает, что почти всю информацию об окружающем нас мире мы получаем из СМИ, что зачастую стирает границу между реальным объектом и новостью о нем [4. С. 11].

В данной работе мы исходим из предположения, «что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, это приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека» [5. С. 45]. Человек руководствуется во многом уже имеющимися представлениями об организации мира, под который мы подводим те или иные факты» [6. С. 182]. Таким образом, можно предположить, что субъект конструирует факты самостоятельно из ранее сформированных и сложившихся социальных шаблонов, а не воспринимает их извне. Данное положение лежит в основе медиафрейминга, подразумевающего использование определенных маркеров. Под маркерами мы понимаем не только материальные (газеты, картины, плакаты, дома и др.), но и духовные (музыка, слова, гимны и др.) объекты.

М. Мински, в своей работе «Фреймы для представления знаний» указывает, что фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой

его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтверждаются [7]. Структура фрейма включает узел / слот – определенное понятие, которое может быть задано или не задано в явном виде. Незаполненные / незаданные узлы называются терминалами / ячейками [8. С. 138].

И. Гофман имеет в виду перспективу восприятия, создающую формальные определения ситуаций [9. Р. 10]. Фрейм представляет собой процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект [10. С. 15]. Если брать лексический эквивалент фрейма, то это определенная рамка, устоявшийся шаблон или схема повествования. Если же касаться вопроса восприятия информации и мыслительного процесса в общем, то это формальные схемы [11. С. 16].

Исходя из ранее приведенных определений и информации, мы можем утверждать, что «фрейминг медийной информации представляет собой создание когнитивной рамки восприятия медиасообщения, внутри которой идет его интерпретация» [12. С. 184]. Данное описание правильно в понимании медиафрейма со стороны реципиента, важно и то, как он понимается со стороны создателей данного медиатекста. Метафоры, ссылки, намеки и другое позволяют отослать реципиента к уже имеющемуся у него социальному опыту, который и подталкивает его к «правильной расшифровке» медиатекста. Таким образом, журналист или лицо, создающие медиатекст, имеет возможность вложить в ограниченное по объему сообщение значительные объемы информации и при этом придать ему определенный эмоциональный градус.

Дальнейшее рассмотрение фрейма и медиафрейма невозможно без упоминания еще одного понятия – метафоры в социальной коммуникации и метафоричности медиа-повествования. На данный момент можно выделить четыре более или менее сложившихся направления исследования метафор: теория концептуальной метафоры, дескрипторная теория метафоры, теория метафорического моделирования, теория интеракции [13]. Каждая из них дает свое определение, в котором отражаются главные установки своей базовой теории. А.П. Чудинов отмечает, что метафора – это основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использования потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы [14. С. 37]. С.А. Хахалова и И.В. Пашкова указывают, что это разноуровневые единицы вторичной косвенной номинации, и выделяют метафоры-слова и метафоры-словосочетания [15. С. 30; 16. С. 218]. Таким образом, можно предположить, что метафорическое построение сообщения, в том числе и медиатекста, является инструментом, позволяющим обратиться напрямую к внутреннему миру человека и его сознанию, обходя критическое восприятие. Используя в статье или выпуске новостей, посвященных описанию отношений Запада и России, слова, связанные с фреймом «учитель – ученик», журналист или ведущий подталкивает

аудиторию на раскрытие определенной ассоциативной цепочки и опыта, который присутствует у каждого индивидуума по отношению к данным метафорам. Ученик должен внимательно слушать учителя, так как последний мудрее и взрослее, что дает ему право указывать ученику на его ошибки и учить его. Если ученик не хочет учиться или, наоборот, сам поучает учителя, к нему (ученику) применяют определенные меры.

Метафора тесно связана с ментальными процессами, что подтверждает результаты исследований в сфере когнитивной лингвистики. Ю.В. Звездина в своей исследовательской работе отмечает, что многие повседневные понятия основаны на метафоре и более того, метафора представляется феноменом не лингвистическим, а ментальным [17. С. 15]. Вместе с тем, как отмечают некоторые исследователи, «...языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [5. С. 41].

Метафоры, будучи частью нашей повседневной жизни, могут проявляться как в общении, так и мышлении и действиях [18. Р. 23] и представлять из себя, по словам Н.Ф. Алефиренко, «многослойное сгущение мысли», приводящее в движение те механизмы ментальных процессов, что основаны на нашем подсознательном, генетическом знании» [19. Р. 25]. Метафора не дает четкой ссылки или четкого образа объекта, она выступает в качестве своеобразной силы, подталкивающей реципиента к определенной последовательности мыслей и идей и фокусирующей внимание на тех сторонах опыта, которые она высвечивает. Само собой разумеется, что фокусирование на определенных характеристиках приводит к формированию соответствующего отношения к объекту или событию. Это не всегда означает стремление журналиста намеренно исказить информацию или подать ее предвзято. Использование фрейма позволяет СМИ значительно упростить восприятие информации, в том числе международные отношения между Западом и Россией. Фреймирование привносит прошлый опыт для распознавания уникальных ситуаций в настоящем, выстраивая своеобразный понятийный мостик [20. С. 1236], к примеру, позволяет привлечь опыт взаимодействия Запада с Россией советского периода и предыдущих веков, тем самым иногда стирая временные границы.

Возвращаясь к фрейму «учитель – ученик», мы должны отметить, что он имеет довольно давнюю историю. Так, Россия в эпоху Просвещения «воспринималась как ученик – то хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX в.), то лентяй (версия XX в.)...» [21. С. 42]. В 90-е гг. XX в. после почти полувекового противостояния Россия наконец-то стала рассматриваться Западом как хороший ученик, который готов учиться и перенимать западный опыт. Но уже к концу 90-х гг.

«Россия стала превращаться в плохого, упрямого, сварливого и ленивого ученика, пропускающего уроки демократии, не выполняющего домашние задания и перебивающегося с двойки на тройку, а потом и вовсе бросившего западную демократическую школу, то есть, в сущности, переставшего быть учеником» [22. С. 53]. Во многом данные перемены объясняются новым вектором развития России, выбранным политической элитой, пришедшей к власти в конце 90-х гг.

В период начала 2000-х гг. использование данного фрейма и образа России как ученика менялось исходя из политической конъюнктуры. Однако, рассматривая данный фрейм относительно настоящих отношений между Западом и Россией (рассматриваемый период – 2010–2014 гг.), а точнее их освещения в названной западной периодике, мы можем отметить, что России до сих пор отводится роль непослушного и строптивого ученика. В то время как Запад выступает в качестве терпеливого и, судя по ряду статей в «The Economist» и «The Financial times», недостаточно жесткого учителя. Использование данного фрейма дает западным странам ощутимые выгоды, ставя их в более выгодную позицию мудрого учителя и этим отчасти легитимизируя политику по отношению к России. Таким образом, в межгосударственных отношениях, а точнее их отображении в западных СМИ, Россия и Запад отнюдь не равны. Действия Запада рассматриваются как продуманные, нацеленные на всеобщее благополучие и учитывающие интересы всех сторон, а действия России – как эгоистичные и недальновидные. Так, в «The Economist», в статьях, посвященных Сирийскому конфликту, российская политика на Ближнем Востоке предстает политикой эгоизма, в то время как США стремятся достичь баланса и стабильности в регионе, развивая и поддерживая демократические движения. Схожую ситуацию можно видеть и в описании результатов «перезагрузки». Россия опять рассматривается в качестве виновницы неудач данного проекта; несмотря на все уступки Запада, Россия отказывалась делать разумные и взвешенные решения, таким поведением сводя на нет все попытки Запада пойти ей навстречу. Отмечается, что настоящая политическая элита «не видит», «не понимает», а порой «не осознает» в полной мере проводимую ими политику.

Также в журнале «The Economist» по большей части преобладает негативно-нейтральная и негативная тональность, критика политики и состояния в стране чаще всего базируется на критике личности президента (В.В. Путин) и его окружения. В журнале подчеркивается жесткость мышления политической элиты и то, что именно приход к власти В.В. Путина стал причиной приостановки и даже свертывания демократических реформ. Современная политическая элита не хочет перенимать у Запада правильный путь демократического развития. Более того, в особенно острые моменты, связанные с недавними экономическими и внешнеполитическими шоками, Россия начинает рассматриваться как антидемократическое государство.

Она представляет опасность для своих соседей, это антидемократическая сила, которая может дестабилизировать состояние в других странах путем распространения «неверного» представления о государственном строительстве. Однако радует то, что все же Россия пытается изменить данное положение вещей [23]. Все чаще российские СМИ пытаются противостоять данному фрейму, стараясь использовать факты для подчеркивания порой явного непрофессионализма «учителей». Стоит отметить, что информация, используемая Россией, не всегда является качественной, т.е. максимально проверенной и точной, что снижает эффективность ее воздействия и наносит ощутимый урон имиджу. В качестве примера можно привести сюжет о распятом ребенке, который до сих пор полноценно не подтвержден, что значительно снижает уровень доверия к российским СМИ [24].

Важно отметить и то, что данный фрейм можно часто увидеть в статьях западных журналов, посвященных трехсторонним отношениям Россия – Украина – США, Россия – Украина – ЕС, или темам, связанным с политическим развитием украинского государства. В данных статьях, особенно в журнале «The Economist», Россия выступает в качестве явного примера неправильного пути развития и нежелания перенимать опыт европейских стран. Так, в одной из статей указывается, что Украина очень важна для ЕС, так как в ней еще заметно стремление учиться и перенимать европейский опыт, в отличие от его большого соседа, который выбрал путь конфронтации и ужесточения режима. Это говорит о том, что Россия на данный момент опять представляется в роли «двоечника», отказывающегося учиться, пример которого используется для запугивания других. Вместе с тем мы можем видеть, что такого рода фрейм также используется Западом по отношению и к другим странам.

Фрейм «учитель – ученик» является столь же часто используемым и имеющим такую же длинную историю, как и фрейм «Россия-медведь». Самое интересное заключается в том, что они иногда переключаются, когда дело касается попыток приучить медведя «ходить, как человек». Отчасти данный фрейм (ученик) закрепляет в сознании западного сообщества определенное восприятие политики России (внешней и внутренней) и образ России в целом как неправильно развивающегося государства, ученика, который не хочет идти по проторенной дорожке развития демократии. Это особенно заметно после речи президента США, посвященной исключительной роли Америки и ее праву помогать другим странам на их пути построения демократии [25]. Исходя из этого, Россия должна стремиться минимизировать эффект от использования данного фрейма с последующей корректировкой восприятия России не как ученика и «неправильно развивающейся восточно-европейской страны», а как самостоятельного актора международных отношений, который в полной мере осознает свой выбор и не нуждается в уроках Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия в зеркале мировых СМИ: санкции и селедка кусочками. URL: <http://ria.ru/analytics/20150827/1208925145.html>

2. Salma Ghenem "Filling in the Tapestry: the Second Level of Agenda Setting" in *Communication and Democracy Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda – Setting Theory* / ed. Maxwell McCombs, Donald L. Shaw and David Waever (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc). 1997. 288 p.
3. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии : пер. с англ. М., 2000. 476 с. URL: <http://coolib.net/b/32/read>
4. Луман Никлас. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта; Наука, 2008. URL: http://modernlib.ru/books/anatoliy_prokopenich_chudinov/metafora_v_politicheskoy_kommunikacii/read_1
6. Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма просвещения, или почему российское общество самое массовое? // *Философские науки*. 2008. № 10. С. 38–58.
7. Марвин Мински. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. URL: <http://www.miai.narod.ru/Minsky/ch1.htm#1ch1>
8. Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2010. № 9.
9. Goffman E. *Frame analysis: An essay in the organization of experience*. Boston : Northeastern University Press., 1986. 306 p.
10. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 108 с.
11. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. К.И. Бабицкого. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.
12. Бодрунова С.С. Рамочная медиаполитическая ситуация: концепт и практика (на примере Британской медиаполитики 1980–2000-х гг.) // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2014. № 1–2. С. 182–186.
13. Кузоятова О.С. Основные направления в когнитивных исследованиях метафор // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-v-kognitivnyh-issledovaniyah-metafory>
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#20>
15. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 292 с.
16. Пешкова И.В. Особенности функционирования геометрической метафоры в английском медиа-дискурсе // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 1 (22). С. 218–223.
17. Звездина Ю.В. Метафоры в повествовании: композиционно-языковой аспект : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 320 с.
18. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Structures of Knowledge and Their Linguistic Representation in Idiomatic Meaning // *Researches of Cognitive Linguistic Aspects*. Tartu, 1990. № 903. P. 20–36.
19. Alefirenko N.F. Phraseological Meaning: Nature, Essence, Structure // *Word Sides*. М. : ELPIS, 2005. P. 21–27.
20. Скрипникова А.И. Фреймирование и рефреймирование в масс-медиа // *Молодой ученый*. 2014. № 4. С. 1235–1238.
21. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей : пер. с англ. М., 2004. 336 с.
22. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007) / Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хозинская. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 384 с.
23. Диалог, а не война. Сергей Нарышкин призвал лидеров Запада учить «уроки Ялты». URL: <http://www.rg.ru/2015/02/06/naryshkin.html>
24. Журналисты «Первого» отвечают на обвинения во лжи в связи с сюжетом про убийство ребенка в Славянске. URL: <http://www.itv.ru/news/social/274369>
25. РиаНовости: Исключительный Обама. URL: <http://ria.ru/columns/20150604/1068208911.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 6 ноября 2015 г.

REFLECTION OF MODERN RELATIONS BETWEEN THE WEST AND RUSSIA BY THE MEDIAFRAME “TEACHER–STUDENT”

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 138–142. DOI: 10.17223/15617793/404/22

Sdelnikov Vitalii A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Dr.Saladinn@yandex.ru

Keywords: frame; mediaframing; mass media; Russia–West; international relations.

Scale and intensity of an information confrontation between western countries (the USA and the EU countries) and Russia is so high that it reminds the information conflict of the Cold War. Nowadays, Russia finds itself in a difficult political and economic situation and has to respond to serious internal and international economic and political shocks. Along with these one can see the ever-increasing mediatization of political relations, in this condition Russia has to defend its right to an independent international policy in the unfriendly western media landscape. Nowadays, one of the most effective media strategies is mediaframing. The reason of its effectiveness is based on a fact that it creates cognitive perception frames within which an individual interprets a media message. Metaphors, links, hints, and others means allow connecting new information with existing social experience, which helps the individual understand the main idea of mediatexts. Thus, a journalist or a person who creates a media text can enclose a significant amount of information into a short text and make it emotional. That is why such texts are able to avoid critical perception. Going back to the frame “Teacher–Student”, the author underlines that it has a long history. In different periods, Russia was considered as a diligent student, or an arrogant student who does everything wrong. Since the late 1990s Russia was becoming a poor, stubborn, grumpy and lazy student who did not pay attention to the study of democracy and was about to receive F for its homework. These changes can be explained by Russia’s desire to build an independent foreign and internal policy. What is more interesting, this frame is used in articles devoted to other topics, such as relations Russia–Ukraine–USA and Russia–Ukraine–EU, and some other topics related to political issues of Eastern European countries. In these articles, Russia is used as an example of a wrong way of development, as a country which does not want to take experience of western countries, and sometimes Russia serves as a boogeyman for the civilized countries. In these circumstances, one cannot say about equality in international relations since Russia is considered as a student who cannot have an equal dialog with a teacher. Thus, mediaframing is an effective instrument of events and images mediation in the conditions of the ever-increasing virtualization of social relations. Nowadays, this strategy is used by a number of western countries in order to legitimize their policy towards Russia. Positioning of relations between the West and Russia as relations of a teacher and a student undoubtedly reduces the effectiveness of the Russian international policy, lowering its status in the eyes of the general public.

REFERENCES

1. Ria.ru. (2015) *Rossiia v zerkale mirovykh SMI: sanktsii i seledka kusochkami* [Russia in the mirror of the world media: sanctions and herring pieces]. [Online]. Available from: <http://ria.ru/analytics/20150827/1208925145.html>.

2. McCombs, M., Shaw, D.L. & Waeber, D. (eds) (1997) *Salma Ghenem "Filling in the Tapestry: the Second Level of Agenda Setting" in Communication and Democracy Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda – Setting Theory*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
3. Bateson, G. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psixiatrii i epistemologii* [Ecology of mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology]. Translated from English. Moscow: Smysl. [Online]. Available from: <http://coolib.net/b/32/read>.
4. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of the media]. Translated from German by A.Yu. Antonovskiy. Moscow: Praksis.
5. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2008) *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [The metaphor in political communication]. Moscow: Flinta; Nauka. [Online]. Available from: http://modernlib.ru/books/anatoliy_prokopevich_chudinov/metafora_v_politicheskoy_kommunikatsii/read_1.
6. Tul'chinskiy, G.L. (2008) Massovaya kul'tura kak voploshchenie gumanizma prosveshcheniya, ili pochemu rossiyskoe obshchestvo samoe massovoe? [Popular culture as the embodiment of humanism education, or why Russian society is the most mass?]. *Filosofskie nauki*. 10. pp. 38–58.
7. Minsky, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Translated from English. Moscow: Energiya. [Online]. Available from: <http://www.miai.narod.ru/Minsky/ch1.htm#lch1>.
8. Gusel'nikova, O.V. (2010) Frame Structure Terminology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 9. (In Russian).
9. Goffman, E. (1986) *Frame analysis: An essay in the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press.
10. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyy lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS.
11. Bruner, J. (2008) *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Psychology of cognition. Beyond the immediate information]. Translated from English by K.I. Babitskiy. Moscow: Direktmedia Publishing.
12. Bodrunova, S.S. (2014) Ramochnaya mediapoliticheskaya situatsiya: kontsept i praktika (na primere Britanskoy mediapolitiki 1980–2000-kh gg.) [Frame media-political situation: the concept and practice (on the example of the British media policy in 1980–2000)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 1–2. pp. 182–186.
13. Kuzoyatova, O.S. (2011) The basic directions in metaphor cognitive research. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"*. 4. [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-v-kognitivnykh-issledovaniyakh-metafory>. (In Russian).
14. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphors (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. [Online]. Available from: <http://www.philology.rullinguistics2/chudinov-01.htm#20>.
15. Khakhalova, S.A. (2011) *Metafora v aspektakh yazyka, myshleniya i kul'tury* [Metaphor in the aspects of the language, thought and culture]. 2nd ed. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.
16. Pashkova, I.V. (2013) The peculiarities of the geometric metaphor in English mass media discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1 (22). pp. 218–223. (In Russian).
17. Zvezdina, Yu.V. (2012) *Metafora v povestvovanii: kompozitsionno-yazykovy aspekt* [Metaphors in the narration: compositional and linguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
18. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (1990) Structures of Knowledge and Their Linguistic Representation in Idiomatic Meaning. *Researches of Cognitive Linguistic Aspects*. 903. pp. 20–36.
19. Alefirenko, N.F. (2005) Phraseological Meaning: Nature, Essence, Structure. In: *Word Sides*. Moscow: ELPIS.
20. Skripnikova, A.I. (2014) Freymirovanie i refreymirovanie v mass-media [Framing and reframing in the media]. *Molodoy uchenyy*. 4. pp. 1235–1238.
21. Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: The East in European Identity Formation]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
22. Batalov, E.Ya., Zhuravleva, V.Yu. & Khozinskaya, K.V. (2009) *"Rychashchiy medved'" na "dikom Vostoke" (Obrazy sovremennoy Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov: 1992–2007)* ["Roaring Bear" in the "Wild East" (Images of modern Russia in the works of American authors: 1992–2007)]. Moscow: ROSSPEN.
23. Zamakhina, T. (2015) *Dialog, a ne vojna. Sergey Naryshkin prizval liderov Zapada uchit' "uroki Yalty"* [Dialogue, not war. Sergei Naryshkin called on Western leaders to learn "the lessons of Yalta"]. [Online]. Available from: <http://www.rg.ru/2015/02/06/naryshkin.html>.
24. 1tv.ru. (2014) *Zhurnalisty "Pervogo" otvechayut na obvineniya vo lzhi v svyazi s syuzhetom pro ubiystvo rebenka v Slavyanske* [Journalists of Channel 1 answer charges of lying in connection with the story about the murder of a child in Slavyansk]. [Online]. Available from: <http://www.1tv.ru/news/social/274369>.
25. Ria.ru. (2015) *RiaNovosti: Isklyuchitel'nyy Obama* [RIA Novosti: Exclusive Obama]. [Online]. Available from: <http://ria.ru/columns/20150604/1068208911.html>.

Received: 06 November 2015